

У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге / Ред. Э. И. Колчинский, К. В. Манойленко, М. Б. Конашев. Сост. М. Б. Конашев. СПб.: Наука, 2002. 558 с.

Книга разочаровывает тем, что в ней нет того, что заявлено в заглавии, и очаровывает тем, что в ней есть – а это часть переписки Феодосия Григорьевича Добржанского 1920-х гг. Ее интереснейшая часть, ведь в переписке с патроном и другом, Ю. А. Филипченко, герой книги откровенно описывает людей и события, будь то отчеты из экспедиций по Средней Азии или впечатления от лаборатории Т. Моргана и его сотрудников. А тот также откровенно пишет о людях и событиях в Ленинграде и о научных вопросах, которые его волнуют. Это ядро книги. Открывается же она краткой перепиской Добржанского с В. И. Вернадским, а завершается официальной перепиской с Н. И. Вавиловым.

Письма достойных людей следует публиковать аккуратно. Дан список опечаток, десятка два. Каждый, кто издавал свою книгу, знает, что этого избежать нельзя. Впрочем, опечаток намного больше, особенно в словах латиницей. Почерк Добржанского, двадцатых ли годов, пятидесятых, начала ли семидесятых – четкий и определенный. Почерк Филипченко – мелкий и монотонный. И тот, и другой вполне читаемы. Но публикатор то ли не разобрал многих слов, то ли они ему не известны (напр., «рамоли», «рацея»). В письмах встречаются названия мутаций мух-дрозофил, комментарий (скажем, *white* – мутация «белые глаза») генетику будет лишним, а не генетику не поможет. В книге – дан перевод! Как пародия на несчастливую мысль А. С. Серебровского перевести на русский ге-

нетические термины (ген – дей, хромосома – дееносица, полезная мутация – добродей, вредная – лиходей). В письме № 88: «...английский язык там ужасный... слово “вылупление” переведено – emergency. Emergency значит – несчастье, крайняя нужда, хотя глагол “emergency” может означать и вылупление». Комментарий относится к другому слову, emergence! Наконец, в письме № 64 вижу «Mohr in Oslo». О. Л. Мор в 1932–1939 гг. – председатель Постоянного комитета по генетике, который определял место проведения следующего, VII, конгресса: до 1937-го это Москва, потом неопределенность, в 1939 г. – Эдинбург. Комментарий (к «Mohr in Oslo»): «Осло (англ.)». Больше в комментарий не заглядываю.

Все это относится к теневой стороне книги. Переписка же совершенно замечательная! Перейдем к тому, что можно узнать из нее о Добржанском и Филипченко и что полезно знать для ее чтения. Начнем с патрона.

В «Положениях» к диссертации 1912 г. (фонд Филипченко в Публичной библиотеке) Филипченко изложил свои убеждения следующим образом: «Процесс эволюции организмов необъясним ни так называемыми факторами Ламарка, ни подбором, а является одной из коренных особенностей живых существ... Допуская возможность сведения отдельных жизненных процессов на чисто механические причины, мы едва ли будем в состоянии объяснить последними жизнь какого-либо организма в его целом». То есть, он сде-

лал выбор в пользу автогенеза К. Бэра (но не эктогенеза Ламарка или Дарвина), в пользу системного подхода Бэра (и против механизма и витализма). А в 1924 г. он издал в своих переводах с немецкого и латыни наиболее важные фрагменты и работы Бэра.

В автогенезе Филипченко – основа всех его научных предпочтений. Изучая гибриды диких и домашних форм в заповеднике «Аскания-Нова», он сосредоточился на количественных признаках с полимерным наследованием, ибо эти нормальные признаки живущих в природе видов составляют эволюционно значимую часть изменчивости. В нем же основа его нелюбви к дрозофильной генетике в духе Т. Моргана, хотя заниматься ею сотрудникам и ученикам он позволял.

Каким образом Добржанский, генетик-дрозофилист, явный морганист, смог оказаться у Филипченко, скептически относившегося к генетике дрозофилы и к «папе-Моргану»? Быть может дело в том, что Добржанский занимался множественным действием гена, а Филипченко был склонен видеть в плейотропии основу для отмены простой схемы «один ген – один признак» и искать в ней опоры идеи плазмона?

«Подводная часть айсберга», заявленная в «Положениях», вышла на поверхность в утверждении Филипченко о необходимости различать микро- и макроэволюцию как самостоятельные области научного исследования, в пренебрежении микро- и предпочтении макроэволюции. Признаки высших систематических категорий, утверждал он, определяются не генами, а чем-то иным, недостаточно выясненным, даже смутным, что он именовал (вслед за К. Корренсом и Ф. Ветштейном) «плазмон». Последнюю статью, напечатанную в 8-м выпуске «Известий Бюро» следом за извещением о кончине Филипченко 19 мая 1930 г., он завершил своего рода завещанием: «Сущест-

вуют два типа различий между родственными друг другу формами. Одни появляются при развитии сравнительно поздно и обуславливаются отдельными элементами генома; другие возникают при развитии с самого начала и, являясь характерными для различных родов, сводимы, вероятно, к общей структуре белков протоплазмы и ядра половых клеток, взятых в целом, или к плазмону, неразложимому, в отличие от генома, на отдельные элементы». Вот этот плазмон, реален ли он? – тема, живо обсуждавшаяся в переписке Добржанского и Филипченко.

Как получилось, что сотрудник Филипченко, склонного к макроэволюции, посмел заняться и внести выдающийся вклад в теорию микроэволюции? Известно, что Добржанский ценил не только Филипченко, но и Дарвина. В «Происхождении...» вообще нет слова *эволюция*, т. е. макроэволюция: Дарвин имел дело только с микроэволюцией, «происхождением видов». И с очевидным указанием на Дарвина первую свою крупную монографию Добржанский озаглавил «Генетика и происхождение видов».

Филипченко резко критиковал мексиканский ламаркизм (отвергавший автогенез). Он однажды возразил сторонникам «биосоциальной» евгеники в Комакадемии: если бы влияние среды наследовалось, то угнетение в чреде веков большинства населения России должно было привести к его наследственной неполноценности (этот аргумент повторил Герман Мёллер, заключив доклад на IV сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936 г. энергичным пассажем с убийственной критикой идеи наследования приобретенных свойств (Лысенко – Презента) как рациональной основы расизма).

Защищая свои убеждения, Филипченко поправил закон гомологических рядов Вавилова, где наследственность названа единственной причиной параллелизмов, и указал на две другие причины:

воздействие сходной среды и структурные ограничения (т. е. автогенез). Он развивал вариант евгеники на основе биометрической линии евгеники Ф. Гальтона и евгеники биометрика К. Пирсона. Бюро по евгенике было организовано им при КЕПС РАН, и Филипченко занялся учетом умственного потенциала страны: обследовал различные группы, относящиеся к «сливкам» образованного класса Петербурга (Ленинграда), и построил оригинальную евгеническую программу (см. его «Интеллигенция и таланты», 1925). Бюро несколько раз расширялось и меняло название, пока не стало лабораторией генетики. После его смерти Вавилов, так сказать, усыновил лабораторию – и растворил ее в своей грандиозной научной империи.

Но не всю. Основной сотрудник Филипченко Ф. Г. Добржанский (дальний родственник Ф. М. Достоевского – см.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. М., 1933), приехавший из Киева сложившимся зоологом, был тогда в лаборатории Т. Моргана, куда он уехал в 1927 г. по стипендии Фонда Рокфеллера. Продлевая командировку, он страстно желал вернуться к своему дорогому патрону и другу (но не учителю! что видно из вышесказанного) Ю. А. Филипченко. Красноречиво говорят об этом его многочисленные письма, которые он писал до последних дней Филипченко, – до поздней весны 1930 г.

Молодые алчущие власти идеологи 1920-х гг. не могли упустить из виду яркую самостоятельно мыслящую личность, его собственные взгляды, его независимое поведение. Призывом к расправе была публикация в университетской многотиражке: *Твист*. «Лекции господина Филипченко» (Студенческая правда, 14 января 1929 г.). Жестокая травля, организованная И. И. Презентом, привела к его ранней смерти. Жена и сын, Надежда Павловна и Глеб, пережили его на 12 лет: они умерли в блокадном Ленинграде.

Вавилов с обычным для него энтузиазмом звал Добржанского в Ленинград: лаборатории не оборудованы, придется читать лекции и писать учебники, жить пока что негде, но быт как-нибудь устроится (и всегда все устраивалось), зато перспективы – грандиозны! Вавилов и Добржанский встретились на VI Конгрессе по генетике в Итаке в 1932 г. Теперь уже Вавилова всюду сопровождали два молодых человека, препятствуя откровенному общению. Как-то в столовой самообслуживания Вавилов и Добржанский заметили два свободных места среди занятых, перемигнулись и подхватили подносы. Молодые люди заметались, но делать было нечего. Вавилов тогда велел Добржанскому не возвращаться. Добржанский ежегодно продлевал советский паспорт – тот был отобран в 1937 г., когда НКВД собирал советских подданных из-за границы (и отправлял их в ГУЛАГ).

В 1937 г. Добржанский опубликовал книгу «Genetics and the Origin of Species», сделавшую его знаменитым (время написать эту книгу по материалам Джессуповских лекций, прочитанных 1936 г. в Колумбийском университете, он нашел, когда однажды его лошадь разбила ему ногу о бетонную опору, и он лежал в гипсе). Книга была переиздана в 1941 г., перерабатывалась и переиздавалась в 1951 г. и под названием «Genetics of the Evolutionary Process» в 1970 г. И в течение 40 лет не было ни одного генетика-популяциониста, который бы ее не изучал. Это был важнейший вклад в теорию микроэволюции, модель для монографий других крупных биологов.

Но теории макроэволюции – мечты Филипченко – нет по сию пору. Есть лишь отдельные концепции, строительные блоки для будущей теории, которая войдет составной частью в общую теорию эволюции.

В конце войны, в которой США и СССР были союзниками, Добржанский приложил усилия, чтобы опубликовать в

американских журналах статьи советских авторов. Н. П. Дубинин включил эти престижные публикации в свой «актив» на выборах чл.-кора АН СССР по генетике в 1947 г. Вышло по поговорке «Не делай добра – не получишь зла». При подготовке празднования юбилея Академии наук в начале 1970-х гг. Добржанский был исключен из числа приглашенных. Полагали, что это рекомендовал Отделу науки ЦК акад. Дубинин. А осенью 1973 г., вслед за августовской хвалебной рецензией в «Правде», «Политиздат» выпустил стотысячным тиражом мемуары «Вечное движение», где Дубинин снимал с партии, правительства и карательных органов ответственность за трагедию генетики и перекладывал ее на крупнейших русских генетиков старшего поколения. Там он обвинил «невозвращенца» Добржанского в растрате «больших материальных средств и нравственных забот», затраченных на его образование. «Это было непоправимым шагом, который никогда не может быть забыт», – писал Дубинин.

Из Ленинграда Добржанский совершил три экспедиции в Центральную Азию. Но это было только начало его путешествий, письма из других путешествий собраны в книге «The Roving Naturalist. Travel Letters of Theodosius Dobzhansky» (1980). Но позднейшие письма написаны словно для собрания сочинений, а в 1920-е гг. дорогом патрону он писал все прямым текстом, и в этом основа привлекательности рецензируемой книги.

Освободившись от зависимости от Филипченко (он не допускает самостоятельной линии поведения, с. 226, – я упрям, с. 302) и Моргана (в лаборатории Моргана нет совсем научной свободы, с. 287), Добржанский вернулся к любимой систематике и натуралистическим исследованиям, теперь на солидной генетической и цитологической основе, и занялся «Генетикой природных популяций». Так называлась серия

статей 1938–1976 гг. Занимаясь научной биографией Н. В. Тимофеева-Ресовского и имея перед глазами «Dobzhansky's genetics of natural populations, I–XLIII» (1981), я увидел, что на постановку задач для многих микросерий работ Добржанского повлиял Н. В. Тимофеев-Ресовский, его пионерские работы (на методику исследований оказал влияние Сьюэлл Райт).

Добржанский интересовался евгеникой и эволюцией человека. Вместе с 22 другими генетиками он подписал «The geneticists manifesto» (1939), написал книги «Heredity, race, and society» (с Dunn'ом, 1946, 1952, 1956), «Evolution, genetics, and man» (1955), «Radiation, genetics, and man» (с Wallace, 1959), «Mankind evolving» (1962), «Heredity and the nature of man» (1964) и другие, а также множество статей.

Феодосий Григорьевич Добржанский и его жена, Наталия Петровна, прибыли в Нью-Йорк 27 декабря 1927 г. Их советские паспорта были аннулированы весной 1937 г., и только тогда они натурализовались в Америке. Добржанский старался помогать биологам в СССР, следил за положением дел в советской генетике, остро переживал ее трагедию. Он напечатал в своем переводе основные выдержки из работы С. С. Четверикова 1926 г., положившей начало экспериментальной генетике природных популяций (CSH Symp., 1959, Vol. 54), и его краткую биографию (Genetics. 1967. Vol. 55), напечатал ряд статей о лысенковщине, среди них «Lysenko's genetics» (1946), «The new genetics in the Soviet Union» (1946), «The suppression of science» (1949), «Lysenko's "Michurinist" genetics» (1952), «Russian genetics» (1952), «The crisis of Soviet biology» (1955).

За границей фамилия Добржанский непроизносима, и он становится «Доби», а для близких друзей «Додик». Имя Феодосий непривычно и в России. Добржанский родился 25 января 1900 г.

в Немирове, на Украине. Бездетная пара, уже в годах, однажды отправилась к усыпальнице Св. Феодосия в Чернигове с мольбой о ребенке. Было дано обещание, что если родится мальчик, ему будет дано имя в честь святого.

Добржанский был религиозным человеком. Студент, убежденный католик, очарованный его лекциями по эволюции, спросил: как можно верить и заниматься эволюцией? Добржанский ответил: «Жизнь полна противоречий». Франсиско Айяла стал крупным эволюционистом.

Дневники Добржанского сохранились далеко не все: выгружая багаж по возвращении домой, он не уследил, и чемодан с дневниками был украден. Среди сохранившихся – дневник 1952 г., рассказывающий о его духовном кризисе.

15 февраля: звонит доктор, делавший медосмотр, сообщает об опухоли щитовидной железы, которая надавливает на трахею, он полагает, что нужна операция. «Новость эта меня ударила как громом»: монография болезней щитовидной железы указывает на возможность рака, операция серьезная, после нее жить можно только инвалидом. «Всего несколько недель тому назад сделал план «на всю жизнь». Но тогда думал, что остается еще во всяком случае 10 лет активности, и больше того, жизни. ...Написать философию биологии вместо предполагавшегося учебника эволюции?»

16 февраля: он переходит в дневнике на английский, чтобы дочери, если она пожелает, было легче следить за событиями. «Решил написать статью по эволюции как основе религиозного мировоззрения... Если буду жить, переработаю ее, возможно, в форме книги».

17 февраля, воскресенье: он с женой едет в церковь, и редко когда служба была так наполнена смыслом для него, особенно фраза молитвы, которую он приводит по-русски: «Христиан-

ской кончины живота нашего, непостыдны, мирны, и доброго ответа на Страшном Судилище Христовом просим!»

Эти дни наполняют беседы с Наташей, музыка, лаборатория, гости, музыка, визит Sophie – Софки, музыка, лаборатория, музыка, и т.п.

25–31 марта: он в госпитале, легкая операция прошла успешно.

1–3 апреля: дома принимает подарки, среди них запись Ленинградской симфонии Шостаковича.

4 апреля: «Сегодня начал писать книгу об эволюции, обещанную для Willey & Sons к осени 1953». Обратите внимание на темпы работы: 9–12 апреля: закончил две главы, начал главу III; 16–18 апреля: ходил в лабораторию, писал четвертую главу книги; 24–25 апреля: «Закончил четвертую главу. Значит, написано между $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ новой книги»; 28 апреля: «вечером писал пятую главу».

С тех пор были написаны ряд книг и множество статей по эволюции (его девиз: «в биологии все имеет смысл лишь в свете эволюции») и по философии биологии. Его позиция в отношении эволюции человека утверждает биологическое разнообразие и политическое равенство: «The biological basis of human freedom» (1956), «Genetic diversity and human equality» (1973). Добржанский издал ряд статей об отношениях религии и науки; его взгляды изложены в книге «The biology of ultimate concern» (1967). Он был президентом Американского Общества Тейяра де Шардена.

По мере того, как растет его слава, он принимает почести и получает приглашения в университеты разных стран мира – кроме России. Дважды, в 1963 и 1969 гг., он подавал заявку по межакадемическому обмену, оба раза они были отвергнуты из Москвы. «Первый отказ (копию которого я храню как сувенир) сопровождался нелепым объяснением: «его работа

не интересна для наших ученых». Второй отказ был без какого-либо объяснения. В 1968 г. на генетическом конгрессе в Токио многие, включая Дубинина, убеждали меня подать заявку, гарантируя, что она несомненно будет принята. Позже мне сказали (возможно, неверно), что это Дубинин рекомендовал отказать».

22.02.1969 г. умерла Наталия Петровна (с тех пор Добржанский не поздравлял друзей с Рождеством). Он

умер 18.12.1975 г., оставив обширное научное и эпистолярное наследие и сильную школу, работающую в области генетики популяций и теории эволюции.

Издание замечательной переписки вносит вклад в запоздалое возвращение на родину замечательного человека и крупнейшего ученого – Феодосия Григорьевича Добржанского.

В. В. Бабков

МГУ для ПГУ: о новых публикациях документов в книге: Атомный проект СССР. II. Атомная бомба. 1945-1954. Книга 4. Москва, Саров: Наука. Физматлит. 2003. 816 с. (документы № 73, 83, 101, 267, 268)

В 1970 г. впервые увидели свет воспоминания сотрудников Отделения строения вещества (ОСВ) физического факультета и Научно-исследовательского института ядерной физики МГУ (НИИЯФ МГУ) о создании и развитии на факультете с 1949 г. ряда новых кафедр, задачей которых была подготовка специалистов-физиков для работ по ядерной физике¹. Как следует из вновь опубликованных документов, выпускники этого отделения должны были работать по тематике знаменитого Первого главного управления МВД². Оно было создано при СНК (СМ) СССР и курировало

работы по созданию атомного оружия, его руководителем был Б. Л. Ванников.

Ряд исследований по предыстории и истории специализации «строение вещества» в МГУ опубликован в самое недавнее время³. Инициаторами и авторами этих публикаций стали бывший ученый секретарь НИИЯФ Е. А. Романовский, нынешний директор НИИЯФ М. И. Панасюк, а также автор настоящих заметок. 22 июня 2001 г. профессор В. В. Балашов выступил с ярким и содержательным докладом на торжественном заседании ученого совета

¹ Антипова И. А., Кузнецов А. П., Лазукин В. Н., Лобанов Ю. Н., Сарычев Л. И., Тулинов А. Ф. Отделение ядерной физики физического факультета МГУ // История и методология естественных наук. Физика. 1970. Вып. 8. С. 3–22.

² Примечание 8 // Атомный проект СССР. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 2. Москва; Саров: Наука. Физматлит, 2002. С. 611. Создано постановлением ГКО № 9887сс/оп от 20 августа 1945 г. (См.: Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 1. С. 11–14).

³ Кессених А. В. Отделение строения вещества на физическом факультете МГУ. 1948–1954 (по воспоминаниям бывших студентов и аспирантов физического факультета) // Исследования по истории физики и механики. М.: Наука, 2000. С. 114–128; Панасюк М. И., Романовский Е. А., Кессених А. В. Начальный этап подготовки физиков-ядерщиков в Московском государственном университете (тридцатые – пятидесятые годы) // История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. Вып. 2 СПб: РХГИ, 2002. С. 491–518.